

Проф. д-р Г. ХАРБСМАЙЕР (Гёттинген)

**СПАСАЮЩЕЕ И ОСВЯЩАЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ БОЖИЕ,
ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ ДУХОМ СВЯТЫМ В БОГОСЛУЖЕНИИ
И ТАИНСТВАХ**

I

Основанием и содержанием евангелического богослужения Церковью Реформации является факт, что Бог глагодал устами Своих святых пророков и апостолов и навеки даровал нам Свое нерушимое Слово, воплощенный Логос, в Сыне Своем, Иисусе Христе.

«Иисус Христос — единое Слово Божие, Которое мы должны воспринимать в богослужении, Слово, Которому нам следует доверять и повиноваться в жизни и смерти» (1-й тезис «Бармского исповедания», 1934 г.).

В этом смысле евангелическое богослужение Церковью Реформации есть богослужение Слова. Сам Бог обращается к собранной во имя Его общине через возвещающую Слово (Логос) проповедь, и через Таинство, являющееся преподаванием того же Слова, даруется Сам Христос, присутствующий среди Своей общины. Он Сам присутствует в возвещаемом Слове и в преподаваемом Таинстве и, вместе с Самим Собой, Он дарует нам наше спасение, избавление, жизнь и блаженство. Он осуществляет и сохраняет общение между Богом и детьми Божиими. Он делает нас Своими братьями, примиренными с нашим Отцом Небесным.

II

В евангелическом богослужении Церковью Реформации Сам Христос осуществляет Свое владычество. Каждое богослужение — владычественное действие Иисуса Христа, осуществляемое исключительно действенной силой Его слова.

III

Действие Божие в богослужении исключительно через Слово и нераздельное владычество Христа, как конечная инстанция всякой церковной власти, осуществляемой в Его имя, исключают такую богослужебную практику, которую Бог употреблял бы или делал возможной для явления Себя независимо от Слова другими путями и средствами.

Единое владычество Христа исключает также, чтобы вне Христа или наравне с Ним существовали иные инстанции церковной власти — будь то в порядке наместничества, восполнения или подкрепления.

IV

Но если мы подчеркиваем, что богослужение есть исключительно богослужение Слова, и утверждаем, что владычество Христа над Его общиной осуществляется только лишь посредством слова, то необходимо ответить на постоянно возникающий вопрос: что такое это слово, которое одно призвано управлять Церковью? И как осуществить ис-

тичное послушание владычеству Христа без того, чтобы снова возник союз между властью слова Христова и иными властями?

В своем историческом развитии евангелическое богослужение под маркой учения о чисто-словесном его характере могло вырождаться в простое учительство. Случалось так, что мы в нашей Церкви праздно вали не присутствии Христа в возвещаемом слове и в Таинстве, а всего лишь «слово», преподававшее нам учение о Христе, или Христа, понимаемого только как Учителя, и лишь Его учение было тем, что реально присутствовало на богослужении. Мы утратили понимание того, что Христос и есть единое Слово Божие, как Личность, и именно Слово, ставшее плотью. На место Его Самого ставилось лишь то, что Он говорил и чему учил, Его дела и Его этическое поведение, наконец. Его волнующая и могущая быть примером судьба. При этом личность Христа бледнела и теряла свое значение на фоне Его учения, Его подвига, Его судьбы и достойной подражания деятельности.

Но в таком случае речь идет не о владычестве личности Христа, а лишь о владычестве Его учения. Сужение понимания слова, которое лежит в основе подобной установки, представляет собой несомненное умаление христологии. Отсюда богослужение неизбежно обеднялось. Оно превратилось в проповедническое изложение учения, а Таинство оказалось вытесненным и сведенным к символическому подтверждению общей религиозной истины. Все это до неузнаваемости исказило евангелическо-реформатское богослужение.

Оказались выхолащенными также богослужebное исповедание веры, славословие, молитва и почитание, ибо исчезло переживание присутствия Христа в собравшейся общине. Все это превратилось лишь в торжественное обрамление проповеди, в традиционную, но уже лишенную реальности форму.

V

Недавно совершившееся в евангелических Церквях обращение к истокам реформации есть также обретение вновь «живого голоса Евангелия» — *viva vox Evangelii* и «веры от слышания» — *fides ex auditu*. В первую очередь это есть открытие заново христологии и принадлежащего ей места в богослужebной жизни. Христология помогла нам увидеть, что возвещаемый в богослужении и присутствующий в нем Христос есть Господь, что Он — единое Слово Божие, Которому дана всякая власть на небе и на земле.

И Он — Тот же, о Котором нам говорит Писание, что Он был распят за нас, нас ради воскрес, живет и царствует и грядет. Он — не только создатель учений, которые могли бы быть и без Него, не только великая религиозная Личность, подвиг Которой сам по себе мог бы быть для нас примером и помощью. Он для нас — Бог, Эммануил, Господь мира и единый Пастырь Своего стада. Его присутствие возвещается в проповеди, и Он созидает общение между Собой и общиной в преподаваемом евхаристическом таинстве. Он делает нас Своими братьями и усыновляет нас Богу в таинстве крещения.

Вновь обретенное понимание богослужения, как торжества присутствия Бога в Его общине, привело также к радостному осознанию, что лютеранская реформация не стремилась к изменению традиционной мессы в ее основах, а, напротив, стремилась эти основы выявить. Реформация сохранила в мессе все, что возвещает присутствие Христа, выявляет и преподает Его дары. Реформация изъяла лишь то, что приносилось наряду с божественным действием в богослужении как дополнительный акт человека-священнослужителя, который должен был в порядке содействия выявить в жертве и в образах то, как действует для нашего спасения и освящения единый Бог. Она не стремилась к отмене традиционного богослужения и замене его чем-то новым. Ре

формация хотела лишь восстановить первоначальную сущность богослужения, понимаемого именно как спасающее и освящающее действие Божие. Она стремилась к тому, чтобы дело Божие осталось бы действительно только Его делом, не к тому, чтобы вообще изгнать из богослужения дело тех, кого Бог спас и освятил, а к тому, чтобы оно снова полностью получило свое место в принадлежащей ему области. Дела верующих в богослужении — дела благодарения в исповедании, славления и поклонении, в молитве и любви, которые совершает вера.

В богослужении реформации должно быть возведено и усвоено, что спасение и освящение есть дело Божие, а не наше собственное. Непреклонное утверждение, что участие человека в деле его собственного искупления решительно исключается, есть возражение и протест против римской практики с ее заслугами, достигаемыми посредством добрых, в том числе и богослужебных, дел. Этот протест необходим, и его повторение несомненно оправдано. Но при этом легко может быть утрачено сознание того, что ведь Бог совершил и возвестил Свое дело искупления, спасения и освящения через избрание, призвание и собирание людей, которых Он делает Своими свидетелями и соработниками и которые говорят, поступают и действуют Его именем и Его властью. Не может быть богослужения без такого действительного привлечения людей. Таким образом, фактически не может иметь места действие одного Бога в том смысле, что Бог является нам непосредственно, минуя человеческие уста и действие. Бог явился нам как человек, и Он хочет нашего сотрудничества, но сотрудничества в Его деле. Дело избавления и освящения принадлежит Ему, Ему же принадлежит и свершение этого дела. Но Свое дело Он целиком совершает через людей и над людьми. Нельзя также думать, что человеческое содействие есть всего лишь чисто инструментальная функция. Ему присуща непосредственность, и оно всегда носит характер ответственного, личного акта. Но это действие есть также послушание, и лишь в послушании оно обретает свободу. Это содействие совершается именем и властью Бога, а не от своего имени, не своей властью или из собственного произволения. Это есть действие, которое ссылается на то, что было совершено Богом. И собственное действие Божие совершается не в силу нашей ссылки на это действие. Оно совершается через Его освящающее нас действие, плод свободного послушания. Утверждение, что в богослужении действует только Бог, может, если упустить из виду, что это утверждение было реакцией на римское учение о спасении через «добрые дела», парализовать содействие человека, предусмотренное самим Божественным действием, и набросить на это содействие тень подозрения, что и оно тоже есть «доброе дело», понимаемое в категориях заслуги. Оно могло бы превратить евангелическое богослужение в пассивное «принятие к сведению» завершенных фактов, продиктованное страхом перед самостоятельной, соперничающей с Богом активностью и потому ограничивающееся лишь прославлением великих дел Божиих.

VI

Испытующе взглядываясь в истоки реформации, евангелическая община должна была вернуться к пониманию Божественного слова и к восприятию таинств, связанному уже не только с учением, но с самой жизнью в полноте ее силы, жизнью, совпадающей с Иисусом Христом. Не случайно такое познание и родившаяся из него богослужебная практика стали достоянием Евангелической Церкви в смутную эпоху так называемой «церковной борьбы» при национал-социализме. Евангелическая Церковь восприняла это как промыслительный дар, как озарение Духом Святым.

Немецкая Церковь исповедников (Bekennende Kirche) нашла в сво

ем богослужении прибежище под покровом присутствующего на богослужении Господа, прибежище не в смысле некоего укрытия, в котором люди могли бы чувствовать себя в безопасности и недосыгаемости для бесчеловечных сил, а в смысле полномочия и укрепления для противодействия и любви, для активности в мире сем; тут они обретали силу идти на страдания, если таковые были неизбежны, силу для последования Иисусу Христу и для свидетельства о Нем.

Осознание того, что Слово Божие есть то же самое, что и воля и власть Господа Иисуса Христа, а не только вполне справедливые высказывания и учение о Нем, вернуло в нашем богослужении как проповедь, так и пользование таинствами к их истокам. Без этого осознания были бы немыслимы и непонятны новейшие устремления к настоящей проповеди и настоящему пользованию таинствами и тем самым к правильной структуре богослужения. Это осознание есть решающий импульс этих устремлений. До сегодняшнего дня мы все еще ищем этот богослужебный облик и одновременно мы ставим себе вопрос: каким образом мы можем выявить, в наш атеистический век и обращаясь к людям нашего времени, спасающее и освящающее присутствие Иисуса Христа, причем выявить его в такой форме, которая была бы им понятна и убедительна?

Очевидно, что простая реставрация прошлого неспособна разрешить этой проблемы. Прделанная уже в этом направлении работа ясно это доказывает. С радостной несомненностью мы можем отметить пока лишь одно: в богослужении мы теперь осознаем присутствие посреди нас Господа Церкви и мира, причем как в возвещающей Его проповеди, так и в таинстве, где преподается Его дар. Каковы должны быть те средства, при помощи которых мы призваны свидетельствовать о Его присутствии? Использованием унаследованного от древнего и средневекового мира символического культового языка? Или же мы должны с решимостью обратиться к формированию нового языка, который из унаследованного должен сохранить лишь то, что во все времена непосредственно доходило до сознания людей, с отказом от метафизики, возникшей в эпохи исключительного христианского влияния? Таковы вопросы, которые мы сегодня перед собой ставим.

VII

Возвращение к христологическому восприятию слова привело Евангелическую Церковь несомненно также и к тому, что горизонт ее богослужебного сознания основательно раздвинулся и включил в себя также богослужение других Церквей. Это обусловлено не только научной любознательностью — это есть прозрение людей, которые выходят за узкие пределы собственного конфессионализма навстречу общению со всеми христианами. Более того, мы всматриваемся в сокровища богослужебного опыта и мудрости у иных церковных сообществ, обогащенных иными благодатными дарами, ожидая помощи и импульсов плодотворной проблематики.

Оглядываясь на историю распада наших богослужебных форм, мы хотим быть внимательными слушателями и участниками богослужений тех христиан, которые изначально избежали чрезмерно узкого восприятия словесного характера богослужения, что убергло их богослужение от упадка, на который мы в нашей Церкви жалуемся.

VIII

Спасительное действие Божие состоит, согласно евангелическому пониманию, в обетовании оставления (прощения) всех наших долгов (всякой вины). Через это мы получаем жизнь и блаженство в нашей примиренности с Богом.

Но это прощение есть одновременно претензия Бога на всю нашу

жизнь. Через это прощение, к нашей несказанной радости, мы освобождаемся от всех греховных привязанностей к этому миру для благодарного служения Богу в Его творениях. Здесь я сознательно придерживаюсь Бармского богословского исповедания и, продолжая в его духе, делаю вывод: получив прощение и освобождение от всех греховных привязанностей к этому миру для благодарного служения Богу в Его творениях, мы одновременно обязываемся не предоставлять мир, в котором мы живем, самому себе и сами не отдаваться этому миру, как некоей самостоятельной сфере, внешней по отношению к Церкви.

Действие Божие через Его слово направлено одновременно на наше служение в мире и для мира. Бог желает наших добрых дел не для Себя, а для мира. Служение, которым мы обязаны Богу, есть вера, действующая любовью. Любовь, заповеданная верой, есть любовь к миру, осуществляемая именно в том духе, в котором Бог во Христе возлюбил мир. Ни при каких обстоятельствах, ни в какой сфере, нигде мы не можем почитать себя свободными от этой заповеди.

Такое понимание богослужения исключает то недоразумение, согласно которому спасительное действие Божие в богослужении направлено на освобождение от плена миру сему, в котором мы сами повинны, а не на спасение мира, как такового, который якобы живет и гибнет по своим собственным, присущим ему, законам. Спасующее и освящающее действие Божие предполагает наше послушание в вере. Послушание же в вере означает также любовь к нашим врагам, любовь к людям, живущим в мире, с которыми мы связаны.

Спасительное действие Божие есть посланничество в мир, а не отмежевание от него. Освобождение от греховных овязей с миром есть одновременно послание освобожденного в этот самый мир. Быть не от мира сего не означает быть не только изъятым из мира, это означает также быть в нем для людей.

Богослужение не есть собрание беглецов, людей, бежавших от мира. Богослужение есть укрепление и преподание полномочий для возвращения в мир и пребывания в нем, для любви и страдания. Иначе говоря, согласно пониманию евангелических Церквей Реформации, богослужение, которое есть спасающее и освящающее действие Божие, не для того вновь обращает жизнь человека к Богу, чтобы он повернулся спиной к миру, а чтобы он обратился к миру лицом в своем служении под Божиим водительством. Освобождение от греховной привязанности к миру есть свобода, направленная на мир и осуществляемая в послушании Богу.

Мы хорошо знаем из горького опыта, как часто в истории богослужение, особенно лютеранское, спасительное действие Божие — посланничество в мир — ложно понимало как освобождение от обязанностей по отношению к Богу и как подчинение христианина господству и задачам очередного мирского властителя. На смену радостному освобождению от безбожной привязанности к миру часто приходило новое, тоже радостное подчинение самозаконности какой-либо очередной мирской сферы. Евангелически-реформатской общине лишь изредка удавалось постигать свободу повиновения вере в мирских делах. Она с большой легкостью подпадала под власть мирских претензий, порой она даже сама становилась носителем мирских сил и растворялась в полной поусторонности.

С тем большим интересом Евангелически-реформатская Церковь вглядывается в те формы богослужебной жизни, которые, как в Православной Церкви, лучше, чем у нас, сохранили в течение веков основные элементы действия Божия, освобождающие от стихии мира сего. Обращенность к жизни будущего века, страстное ожидание и надежда на пришествие Господа во славе, общение в богослужебном торжестве с членами Церкви, достигшими совершенства, и все это в мире без-

божных связей, все это пробуждает в нас серьезное внимание. Ибо мы хорошо знаем опасности и искушения как обмирщения христианства, так и ложной христианизации мира. Нам необходимо найти такую ферму богослужения, которая сама свободна и которая освобождает от прислушивания к властям и требованиям мира сего.

IX

Действие Христа в слове и таинстве совершается Духом Святым. Для нас это значит, что община через действие Святого Духа познает, что Сам Христос действует там, где имеет место истинное возведение Его слова и правильное совершение таинств. Лишь Сам Бог открывает нам Духом Святым, когда и где Ему угодно, что в богослужении, в котором действуют ведь только говорящие и поющие, молящиеся и исповедующие, прославляющие и благодарящие люди, подлинно действует Сам Христос и через Него — Бог. Вся совокупность богослужебного процесса есть и остается всего лишь человеческим делом — до тех пор пока Богу не станет угодно открыть сердцу и сознанию его участников, что среди них присутствует и действует Сам Бог. Формы богослужения, создаваемые его участниками, проповедь и преподание таинств, не могут сами по себе, то есть исходя только лишь из человеческих усилий и разума, добиться того, чтобы на богослужении мы имели дело с присутствием и действием Бога. То, что предстает нашему взору, есть лишь человеческое свершение и человеческое торжество, которым приписывается постигаемое верой присутствие Божие. Но сами они не могут создать веры. На богослужении все совершается в уверенности, что Сам Присутствующий на нем созидает веру Духом Своим. Действующие в богослужебном свершении люди бессильны создать веру. Все, что делается и говорится, живет тем, что Дух Божий, согласно обетованию, обратит сердца людей. Этим живет проповедь, равно как и преподание таинств и сама вера.

Освящающее общину посредством проповеди и таинств действие Божие состоит также в утешении, что через обещанное прощение и обетование жизни человеческое бытие снова возведется к Богу и к миру, в котором протекает наша повседневная жизнь. Освящение делает нас служителями и сорботниками Божиими в этой жизни, в каждой работе, в каждой профессии, в любой сфере деятельности. Освящение выводит силы нашей разумной оценки, нашу способность к благим, непосредственным решениям и действиям по мере полученных от Бога дарований.

Освящение есть плод веры, ибо надежда и любовь побуждают ее к добрым делам милосердия, чтобы, не отчаиваясь, в терпении ожидать славного пришествия Господа.

Освящение, совершаемое Богом через Духа Святого, проявляется также в том, что мы воспринимаем самое богослужебное торжество общины как благоденствие Божие по отношению к миру. Торжество пришествия и пребывания Бога в нашем мире есть свободный призыв Самого Бога к людям быть в своем труде свободными, радостными и уверенными. Ибо действие Духа Святого в нас проявляется в том, что Он дарует нам покой для пребывания пред живым присутствием Бога. Который был и есть и грядет.

Богослужебное действие общины есть пребывание во времени, которое Бог содержит в Своей власти. Оно есть состояние реального, живого отдохновения от работы и обращения к тому, что соделал для нас Бог. Это есть обращение взора и слуха к Тому, Кто заботится о нас и о мире, и возложение на Него всех наших забот. Это есть то обладание времени, в котором совершается наше новое рождение. Работа отнимает время, и поглощает его. Но праздновать в присутствии Бога значит пользоваться временем ради вечности. Текущее время

наполняется Божественной вечностью. В богослужебном праздновании общине, а через нее миру, сообщается радостная весть нашего избавления от рабства мирской заботе, об утверждении и сохранении нашей жизни. Торжество присутствия Божия изгоняет дух страха за существование и делает наш труд свободным. Труд освобождается от смертоубийственного ярма, связанного с убеждением, что лишь через труд созидается жизнь и блаженство. Через богослужебное действие наш труд, посредством которого мы призваны подчинять себе вверенную нам землю, укоряется в уже совершенном Божественном деле спасения. Труд освящается в богослужении тем, что он освобождается от необоснованного требования совершить то, что Бог уже совершил Сам. Человек обретает радость в труде, ибо на его долю приходится лишь то, чего он действительно может достичь собственным трудом, а именно — обеспечение человеческой жизни всеми необходимыми духовными и материальными ценностями.

Таким образом, богослужение христиан встроено в жизнь этого мира и направлено на его благо. Все содержание богослужения направлено на благо мира, дабы все верующие в Сына не погибли, но имели жизнь вечную. Освящение верующих состоит в том, что они посланы в мир для того, чтобы все люди на собственном опыте познали великие дела Божии, которыми Он всех облагодетельствовал.

Согласно евангелически-реформатскому пониманию богослужебная жизнь общины устремлена навстречу грядущему Господу. Община ожидает нового неба и новой земли. Она живет сейчас верой в уповании узреть то, во что она верит. Себя саму община ощущает как общину последних дней, она знает, что она — в пути навстречу Своему Господу. Свое богослужение община воспринимает как эсхатологическое свершение, промежуточное во времени между этим, преходящим и уже наступающим, новым эоном. Она исповедует, что мир сей не имеет, кроме одного Христа, никого иного будущего. Христос — вот единое и единственное будущее и общины и мира. Мир не имеет никакой надежды, кроме как во Христе.

Поскольку богослужение от присутствующего на нем Христа устремляется на жизнь общины и на ее служение миру, постольку ожидание ее направлено туда, где ее Глава — Христос.

В отличие от Римской Церкви, для Церкви Евангелической характерно восприятие и совершение своего богослужения более в категориях времени, а не пространства. То же следует сказать и о ее уповании. Евангелическая Церковь больше думала об истории, чем о «горнем мире», больше о личности — «ипостаси» Христа, чем о Его «природах». Евангелическая Церковь не столько размышляла о небесной «преестественности», ее снисхождении к нам и нашей причастности ей, сколько стремилась к тому, чтобы жить под владычеством Божиим в правде, нечеловечности и блаженстве. Наконец, она больше имела в виду ближайший шаг, чем потустороннюю жизнь.

Библейские ссылки на небесные чертоги и на небесное богослужение, отблеском которого является земное богослужение общины, были для Евангелической Церкви больше приточными образами и метафизической интерпретацией, чем живой реальностью. Реальным было для нее владычество Иисуса Христа на небе и на земле и раскрытие этого владычества во славу, совершаемое здесь, на земле.

Нельзя сказать, чтобы евангелическому богослужению, которое до конца определяется словом, было бы чуждо то мышление, которое оперирует понятиями «горé» и «долу», понятиями небесных и земных существ, зримого и незримого — преображенного, которое скорее обращено к зрителю, пусть даже духовному, чем к слуху и сердечному слышанию. Однако такого рода мышление всегда находится под подозрением: не магия ли и не волшебство ли все это? Член Евангелической

Церкви расположен к тому, чтобы слухом «вкушать и видеть, яко благ Господь». Слышание, при котором можно также и видеть, богослужение, в котором многое предназначено для зрения, в высокой степени чуждо богослужебной практике Евангелической Церкви. Элемент видимого сжат до минимума. И это вполне сознательно, ибо вера есть вера на слово, вопреки очевидному, а также потому, что вера есть ожидание видения, которое будет иметь место лишь в конце времен. Поэтому то обстоятельство, что евангелическая служба так мало визуальна и столь насыщена слышанием, имеет эсхатологическое основание.

В Евангелической Церкви восторжествовало самоограничение «бедным» словом, подобным евангельским яслям, в отличие от римокатоличества, для которого богослужебные церемонии обладают той же степенью объективной наглядности, как и Евхаристия, и где они воспринимаются как недоступное нам «богословие славы». Это привело к тому, что мы никогда не приписывали священного значения ни церемониям и обрядам, принятым на богослужебных собраниях, ни изображениям и символам, ни тому праву, которое определяет употребление всего этого. Все это не было ни осуждено Лютеранской Церковью, ни изгнано из нее. Но за ними признается ценность лишь в той мере, в которой они постулируют проповедь слова, и не вытесняют ее. а ей способствуют и ее утверждают.

Вопрос о том, не было ли здесь сплошь и рядом сужения понятия речи и слова, остается открытым. Ибо, хотя Христос есть единое Слово Божие, речь идет о Нем как о телесном, душевном и духовном человеке, а не только о том, что этот Человек сказал.

Ведь Иисус Христос, как возвещаемый Господь, не есть нечто, воспринимаемое в слове и таинстве только на слух, не есть некий акустический процесс, лишенный физической наглядности, визуального элемента. И хотя проповедник, как служитель слова Божия, и не облечен полномочиями сакраментального посвящения, тем не менее его деятельность полномочна и совершается во имя триединого Бога. И хотя проповедник и не являет — в сакраментальном смысле — Господа Церкви перед общиной, каждый член общины, слушающий его и принимающий из его рук таинство, может и должен видеть в этом служителе слова Божия того человека, через которого к нему обращается и действует Сам Христос. Подобное требование аналогично обращенному к нам призыву видеть в Иисусе из Назарета Сына Его и нашего Отца Небесного. И евангелическому богослужению неотъемлемо присуща телесность, поставленная в условия времени и пространства. Но у Бога, как и у людей, любовь, сила и истина связаны исключительно со словом, исходящим из их уст. На этом основано центральное значение проповеди как свободного слова, возвещаемого на богослужении из человеческих уст. То, чем Бог является для нас в любви, силе и истине, и то, чем мы являемся друг для друга, остается немым, пока мы не говорим. Сила любви и истины может быть воспринята верой на слово, но не может быть молчаливо воспринята из зрения. Образ Христа говорит мне так много и так мало, сколько мне уже оказало Его слово. Хорошо, если слово уже было сказано и образ мне его напоминает. Один образ ничего не говорит. Но можем ли мы добиться взаимопонимания при таких условиях?

Если образ в богослужении поддерживает надежду, что мы лицом к лицу увидим то, во что мы сегодня призваны верить на слово, то в таком случае образ полезен.

Но что, если образ вытесняет человеческую речь любви, силы и истины, или приводит к прямому отождествлению образ с самой изображаемой вещью, или становится условным знаком, перенимающим в настоящем силу того, что он обозначает? Тогда образ предвосхищает и в

скрытой форме берет на себя то, терпеливое ожидание чего составляет предмет нашей веры.

Собранная для богослужения община — это народ, с надеждой идущий навстречу милостивому и справедливому суду своего Господа. Этот народ не видит Грядущего. Но он знает Его голос и слышит Его зов. Существует много способов ожидания, но имеется столько же способов утратить зарядку, которая для этого ожидания необходима. Церковь, носящая Имя Того, Кто есть их единая надежда в жизни сей и в смерти, обязаны оказывать одна другой всякую поддержку, которая служит терпеливому ожиданию.

Пока мы согласны друг с другом, хотя бы в том, что Господь грядет и что мы на Него уповаем, мы находимся на общем пути и можем надеяться найти друг друга на этом едином пути, ведущем к единой цели.

Х

Для Евангелических Церквей различие в богослужебных обрядах еще не есть доказательство разъединяющего Церкви вероучительного расхождения. В той же мере и совпадение богослужебных форм не доказывает вероучительного единомыслия. Чистота благовестия и соответствующее ей употребление таинств — вот единственный критерий. Не чистота благовестия зависит от совпадения обрядовых форм, а наоборот. Чистота благовестия и употребления таинства подается только Духом Святым, и нет никакого средства эту чистоту обеспечить: ее не могут обеспечить ни обряды, ни иконы. И проповедь, как таковая, предусматривает свободу богослужебных форм, лишь бы они служили той задаче, которую ставит перед ними принцип чистоты благовестия. Чистота благовестия есть соответствие словесной проповеди любви, силе и истине Христова благовестия, как они засвидетельствованы в Писании. Это соответствие лежит вне человеческой компетенции, однако именно оно владеет сердцами людей. То чудо, которым Церковь в своем богослужении живет, состоит именно в том, что такое соответствие существует, и это чудо сохраняет Церковь во времени, ибо Бог исполняет то, что обещает.

Пребывать со Своей общиной, подавать ей жизнь и сохранять ее зависит от Его воли и остается исключительно Его делом. Совершается это через свидетелей, которых Он призывает когда, где и как Ему угодно. Облик и порядок богослужения — это созданная человеческими руками странноприимница, воздвигнутая в расчете на то, что Богу будет благоугодно обитать в ней. Она не гарантирует присутствия Гостя, но угождает, по мере сил, место Ему. Она — лишь скиния, а не место безусловного и длящегося пребывания.

Это не означает, что богослужебное оформление — дело безразличное; хотя внешняя форма и чин не могут обеспечить веяние Духа, однако они должны быть плодом этого Духа. Внешний облик богослужения должен служить благовестию, исповеданию и славословию собравшейся общины; тем самым он становится своего рода составной частью богослужения. Как чин и обряд, он не в состоянии втиснуть назначенное богослужения в свои формы или его выявить. Но он может и должен призывать к благовестию, исповеданию, молитве и славословию, предоставляя им место и время. Срок его существования должен выходить за рамки человеческой жизни. Оправдание его в том, что община может в его условиях жить свободно, хорошо и красиво. К его назначению относится также установление связи между общиной нашего времени и прославленным Богом отцами, апостолами и пророками. Оно рассчитано на продолжительное существование, не претендуя на неизменность и вечность.

Поэтому в том, что касается его облика, евангелическое богослуже-

ние может меняться. Пребывание Гостя не зависит от внешней формы. Форма богослужения есть нечто временное, а не окончательное. Эта форма в принципе есть нечто открытое, незавершенное. Это — человеческий порядок, а не Божественный закон. О богослужебных формах Евангелическая Церковь готова вступать в разговор. Поэтому для Евангелической Церкви богослужебные формы других Церквей — не препятствие, а добрый повод для диалога. Ибо различие богослужебных форм не исключает единомыслия в вере.

В своей богослужебной жизни все Церкви не столько подчеркивают то, что их отделяет от инославных, сколько выделяют то, на чем основывается их вера. Поэтому в богослужебных формах нет полемической заостренности, характерной для сравнительного богословия. Поэтому можно лишь приветствовать экуменический разговор с другими Церквями, имеющий своей темой богослужение. Ибо здесь речь идет не о защите того, ради чего произошло и должно длиться разделение. Здесь выявляется характер веры, которой мы хотим быть верны, и только здесь можно распознать духовный облик другой Церкви. Ибо здесь речь идет не об отрицании, а лишь об утверждении своих установок. Поэтому здесь господствует уважение к тому, что является значительным для другого, и желание понять и взвесить то, что вызывает уважение. Богослужение различных Церквей — подходящая тема для каждого диалога, который должен служить единству Церкви в истине.
